

2.1.3. Дальнейшее оттеснение Молотова

Чтобы еще более ограничить влияние Молотова на выработку и принятие решений по внешнеполитическим вопросам, стали «укреплять» дипломатический корпус членами ЦК. Так, уже в мае 1955 г. послом в Польше был назначен П.К. Пономаренко. Послами в Чехословакии и Румынии стали И.Т. Гришин и А.А. Епишев.

– Вопросы внешней политики, – говорил позже Хрущев, – это крупные политические вопросы, и они должны быть в руках Центрального Комитета, а не в руках чиновников. Поэтому в МИДе должны работать достойные люди, и мы теперь там таких людей имеем{476}.

6 июня Президиум ЦК КПСС заслушал доклад правительственной делегации СССР о поездке в Югославию, одобрил ее деятельность в переговорах с правительственной делегацией Югославии, поручил комиссии в составе Кагановича (созыв), Суслова, Пospelова, Шепилова и Пономарева разработать проект резолюции и решил поставить на пленуме ЦК КПСС, созываемом 20 июня, вопрос «Сообщение Правительственной делегации СССР о советско-югославских переговорах». Докладчиком утвержден Хрущев{477}.

Речей никаких не было. Подавал реплики только Молотов. Реплики эти были сугубо одобрительные. Подавая их, он не вносил предложений дать отрицательную или какую-либо вообще иную оценку{478}. И хотя у него были и оставались сомнения в правильности оценок причин разрыва и базы, на которой возможно и желательно в данных условиях улучшение отношений с этой страной, тем не менее, он считал совместную советско-югославскую декларацию «большим достижением и хорошим результатом работы нашей делегации в Югославии»{479}.

20 июня Президиум ЦК утвердил проект постановления, представленный Кагановичем. Но при его обсуждении снова всплыли сомнения Молотова{480}. Он, оказывается, предлагал записать о положительных результатах, достигнутых лишь по государственной линии. И только{481}. Правда, его самого тогда не было в Москве. Еще 9 июня он улетел на юбилейную сессию Генеральной Ассамблеи ООН в Сан-Франциско, откуда возвратился только 5 июля. Но своими сомнениями он мог поделиться еще до отлета за океан или же прислать их оттуда.

– Раз у нас начался такой конфликт, – говорил Хрущев, – и Молотов нас всех поносит, надо вынести этот конфликт на Пленум.

Другой точки зрения придерживался Ворошилов:

– Зачем на Пленуме ставить вопрос? Люди подумают, что у нас драка, а врагам это будет на руку.

Хрущев же считал, что «никакой драки, а побьем одного и посадим на место, чтобы он знал свое место»{482}.

И вот в проект вносится существенная поправка. В ней отмечалась «ошибочность позиции по Югославскому вопросу т. Молотова» и, ввиду того, что он «не отказался от своей неправильной позиции», было сочтено необходимым сообщить об этом на предстоящем Пленуме ЦК в докладе Хрущева об итогах переговоров с Югославией{483}.

Утром 4 июля 1955 г. Хрущев открывает пленум ЦК и после принятия повестки дня предлагает регламент:

– Заседания будут проходить в Большом Кремлевском дворце с приглашением актива. Два первых вопроса обсудить с активом, 3-й (по Югославии. – Ю. А.) только в составе членов ЦК, кандидатов в члены ЦК и членов Ревизионной комиссии с приглашением первых секретарей и некоторых работников аппарата ЦК{484}.

После чего приглашает пройти в Большой Кремлевский дворец для заслушивания доклада Булганина о задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации строительства. Доклад этот был впечатляющим. В нем много критики и поставлена амбициозная задача в кратчайшие сроки догнать и перегнать Америку по производительности труда. Присутствовавший на пленуме поэт А. Твардовский следующим образом сформулировал свои впечатления о докладе и трехдневных прениях по нему: «Все смело, правдиво, даже с перехлопом – в отношении отставания от США, неиспользования наших социалистических возможностей, неумелости, некультурности, излишеств централизации и фантастической бессмысленности встречных перевозок... Но все кажется, что частности все верны, а общего ключа ко всему вроде как нет. То-то мы, обнаружив, исправим, а глядишь – в другом месте течет». Но особо он отметил участие в прениях Хрущева: «Какой бы из него был могучий критикан этой стихийности, не будь он во главе дела? Живописен, умен, форсист, груб, но смотрит в корень и хочет добра»{485}.

Молотов вернулся из Сан-Франциско 5 июля. В МИДе его заместители А.А. Громыко и В.С. Семенов показали ему подготовленный проект открытого обращения к западногерманскому канцлеру Аденауэру о нормализации отношений, подготовленный по инициативе Хрущева и решению Президиума ЦК. Молотов стал возражать.

– В Президиуме возражений не было, – говорят замы, – и именно в таком виде его нужно внести в ЦК.

– Нет, – стоит на своем министр, – нельзя публично протягивать руку Аденауэру и перед всем миром упрасивать его.

И перечеркнув документ, внес свое предложение. Конечно, Президиум ЦК тем не менее подтвердил свое решение{486}.

Между тем 7 июля Хрущев посылает коллегам новый текст своего доклада об итогах

переговоров с югославами, «исправленный и отредактированный с учетом сделанных замечаний». Все они, в том числе и Молотов, возвращают свои экземпляры без поправок и замечаний{487}. Этот текст первый секретарь ЦК и оглашает на утреннем заседании пленума ЦК КПСС 9 июля.

Оправдывая резкое изменение политики советского руководства в отношении Югославии, Хрущев главным аргументом выставил военно-стратегические соображения:

– Известно, что Югославия способна выставить во время войны от 30 до 40 дивизий. Все эти обстоятельства не могут нас не интересовать, ибо мы, коммунисты, как правящая партия, должны думать не только о сколачивании сил, которые прочно стоят на наших социалистических позициях, но и учитывать и использовать силы, которые могут не пойти с нами до конца, могут расходиться с нами в идеологических вопросах. Нам необходимо добиваться того, чтобы такие силы не могли быть противопоставлены Советскому государству, социалистическому лагерю. Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы, по крайней мере, нейтрализовать эти силы, если не сможем сделать их активными на своей стороне. В этом состоит задача{488}.

Но вопреки этим очевидным соображениям, говорил Хрущев, при решении всех вопросов о нормализации отношений с Югославией Молотов занимал особую позицию, отличающуюся от позиции других членов Президиума ЦК. К.Е. Ворошилов, сидевший в президиуме пленума рядом с Микояном, говорит ему:

– Слушай, Вячеслав собирается выступить с развернутой программой. Ты поговори с ним. Зачем ему?

Микоян так и сделал:

– Какая польза, Вячеслав, партии и тебе, если на Пленуме будут обсуждать разногласия по югославскому вопросу? Ты останешься один. Тебя партия будет прорабатывать. Ты можешь, конечно, выступить, можешь разъяснить, как ты думаешь, но должен одобрить линию Президиума ЦК{489}. В.М. Молотов не прислушался к этому совету и взял слово. Он согласился с необходимостью «улучшить отношения Советского Союза с Югославией» в целях укрепления международных позиций СССР и всего социалистического лагеря и соответственно ослабления международных позиций империализма. Но при этом призывал не забывать, что «мы плохо осведомлены о действительном характере политических и экономических отношений Югославии с капиталистическими государствами, а также с социал-демократическими партиями этих стран». Тем более, что «для расхождения между Советским Союзом и Югославией в 1948 г. имелись серьезные основания»{490}.

Ведь ее руководители, продолжал утверждать он, заняли тогда «определенно националистические позиции и встали на путь откола от единого социалистического лагеря». А последующие события вплоть до первых месяцев этого года показали, как далеко отошли от позиций коммунизма югославские коммунисты, возглавляемые Тито и Карделем, «скатившись на антисоветские позиции правых социалистов». Недооценивать серьезность такого положения не следует, делал вывод Молотов{491}.

Осуждение националистических взглядов югославских руководителей, по его твердому мнению, было тогда совершенно необходимо. Другое дело, вынужден был признать Молотов, что борьба против этих взглядов пошла, особенно с 1949 г., «по неправильному пути»{492}. Это выразилось в установке Сталина на смену руководства в компартии Югославии, в его уверенности, что так и произойдет. Исходя из этого, югославские руководители и были объявлены фашистами, шпионами, убийцами и пр. Резолюция Информбюро так и называлась: «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». Так «Югославия ушла из лагеря народно-демократических стран».

Сабуров поправил его:

– Она не ушла, ее ушли. Молотов продолжал стоять на своем:

– Я свое мнение излагаю.

– А мы свое, – не замедлил вставить свою реплику Хрущев{493}. Далее Молотов сказал, что при обсуждении текста приветственной речи Советской правительственной делегации в Президиуме ЦК он высказал критические замечания, суть которых сводилась к тому, что интриги Берии и Абакумова играли известную роль при разрыве, но не имели главного

значения.

– Во-первых, неправильно бросать вину за разрыв только на нашу партию, умалчивая об ответственности югославской компартии... Во-вторых, и это главное, не следует игнорировать, что в основе расхождений было то, что югославские руководители отошли от принципиальных интернационалистских позиций.

Не согласился он и с утверждением, что ответственность за разрыв падет на Сталина.

Хрущев бросает ему реплику:

– На Сталина и Молотова!

Пораженный таким поворотом Молотов только и может сказать:

– Это что-то новое!

– Почему новое? – не отстаёт Хрущев.

– Мы подписывали от имени ЦК партии, – оправдывается он.

– Не спрашивая ЦК, – продолжает напирать Хрущев. – Даже не спрашивая членов Политбюро{494}.

Защищаясь, Молотов напоминает, что в ноябре 1952 г. VI съезд Компартии Югославии характеризовал роль СССР на международной арене как новую агрессивную силу, претендующую на мировую гегемонию и представляющую собой угрозу миру во всем мире. Хрущева, однако, этот исторический экскурс не смутил.

– Теперь бы наши выступления процитировать! – парировал он.

– Чтобы уравнивать, – добавил Микоян.

– И выяснить, кто и что говорил, – уточнил Суслов{495}.

– Корейскую войну мы начали... Это все знают, – неожиданно расширил географию самобичеваний Хрущев.

– Кроме наших людей в нашей стране, – опять поддакнул ему Микоян.

– Вот, Вячеслав Михайлович, это надо иметь в виду, – продолжил Хрущев – Войну мы начали. Теперь никак не расхлебается... Кому нужна была война?{496}.

Молотов же, переживая этот наскок, продолжал гнуть свое, приводя многочисленные высказывания Карделя о превращении бюрократического государственного аппарата в СССР в господствующую силу над рабочим классом и обществом, о реставрации там таких политических форм, которые характерны для государств капиталистического типа, фашистских государств...

– Дальше, как говорят, ехать некуда... Могут сказать, что теперь не следует ворошить старое, что теперь начался новый период во взаимоотношениях с югославскими коммунистами. Но дело в том, что приведенные факты имеют самое непосредственное отношение к той базе, на которой возможно действительное сближение между нашей партией и Союзом коммунистов Югославии. Ведь пишет же «Борба» – руководящий печатный орган СКЮ, 8 июня, то есть после принятия совместной декларации, что в югославском взгляде «на международные вопросы ничего не изменилось». Ведь продолжает же она твердить о крайней вредности монополии одной державы «на идеологическое определение форм и терминов социалистического развития». Эти прозрачные выпады против нашей партии отнюдь не случайны. И после советско-югославской декларации Югославия продолжает развивать и пропагандировать старые взгляды, которые далеки от коммунизма, но близки к правым социал-демократам{497}. Как совместить позицию Компартии СССР, отстаивающую необходимость дальнейшего укрепления единства стран социалистического лагеря вокруг Коммунистической партии Советского Союза с позицией Союза коммунистов Югославии, отрицающего эти важнейшие задачи нашего времени и клеветнически обвиняющего Компартию Советского Союза в стремлении насильственно навязать свою волю другим коммунистическим партиям? Мне кажется, нельзя примирить эти две противоположные позиции на одной какой-то средней линии. Как совместить позицию Коммунистической партии Советского Союза, сущность которой выражается в борьбе за коммунизм, с позицией Союза коммунистов Югославии, исходящего из того, что в СССР победил не социализм, а государственный капитализм и что внешняя политика СССР всего лишь одна из разновидностей политики империализма!?

Из всего этого следует, по мнению Молотова, что «в данных условиях нет оснований

строить взаимоотношения между Коммунистической партией Советского Союза и Союзом коммунистов Югославии на базе марксизма-ленинизма»{498}. Хотя это вовсе не означает, что у наших стран нет базы для сближения. Если возможно сближение и улучшение отношений с теми или иными странами, не принадлежащими к социалистическому лагерю (например, Индией и Финляндией), то, следовательно, возможно и улучшение отношений и сближение также и с Югославией, если та проявит, как и Советский Союз, стремление к этому.

– Мы не можем не считаться и не оценить того, что Югославия, хотя и сблизилась с лагерем империализма, стремится в какой-то мере сохранить свой суверенитет и национальную независимость. Совершенно ясно, что нашей задачей является ослабить эти связи Югославии с капиталистическими государствами, которые ее затягивают в империалистический лагерь. Мы должны добиться, чтобы Югославия не вступила в Северо-Атлантический блок, в тот или иной его международный филиал и чтобы Югославия вышла из Балканского союза. В наших интересах также помочь Югославии уменьшить зависимость от США и других капиталистических государств по экономической линии. Мы должны расширить и усилить сотрудничество с Югославией, прежде всего на международной арене в борьбе за укрепление мира в Европе и во всем мире{499}.

Однако, по мнению Молотова, тут следует быть осторожными и критически подходить к политическим шагам Югославии, имея в виду, что в последние годы ее позиция в ряде вопросов (например, в германском) была ближе к позиции западных держав, чем к позиции СССР и стран народной демократии. Нельзя также забывать и то, что своим обвинением Советского Союза в империалистических тенденциях и так называемой политике гегемонизма «югославское правительство развязало себе руки, чтобы в любое время выступить по тем или иным вопросам международных отношений против СССР»{500}.

Далее Молотов считает уместным процитировать письмо ЦК КПСС в адрес других коммунистических партий от 23 февраля 1955 г. о необходимости проявлять бдительность и осторожность в своих отношениях с югославскими руководителями. Привел он еще один аргумент в пользу этого: улучшение отношений с СКЮ, установление с ним тесного сотрудничества не должно подвергать риску ухудшения наших отношений с другими коммунистическими партиями. А такой риск может появиться, если в эти партии станут проникать некоммунистические (читай, югославские) взгляды и настроения, «если по принципиальным вопросам будет допускаться неясность, если некоммунистическим взглядам не будет даваться должного и своевременного отпора»{501}.

Молотов не сомневался в том, что «кое-кто в Югославии, да и в других странах, поддерживающих сейчас Югославию, имеет такой расчет: пойти на некоторое улучшение отношений с Советским Союзом и странами народной демократии с тем, чтобы использовать это для ослабления идеологического и политического влияния СССР в тех из этих стран, где марксистско-ленинские корни еще некрепкие»{502}. Чтобы предупредить эту опасность, повторял он, надо не откладывать критический разбор некоммунистических позиций югославской печати по ряду важных вопросов.

– Это будет вместе с тем проверкой, насколько действительно стремление югославских руководителей к идеологическому сближению с Советским Союзом на основе марксизма-ленинизма{503}.

Остановившись на постановлении Президиума ЦК, в котором говорится об ошибочности его позиции по югославскому вопросу, Молотов не забыл упрекнуть его авторов в том, что это решение было сформулировано тогда, когда его не было в Москве, на что Микоян поспешил уточнить:

– Хотя об этом сказали в твоём присутствии, что мы напишем{504}. В то же время Молотов признал правильным содержащийся в этом постановлении упрек, что с его стороны, как министра иностранных дел, не было принято достаточных мер для улучшения советско-югославских отношений.

– Инициатива в этом деле принадлежит Президиуму ЦК и прежде всего товарищу Хрущеву. Правильно, что я не сразу согласился с целесообразностью поездки советской делегации именно в Белград. Были на этот счет сомнения и у других членов Президиума ЦК. Но у меня не было сомнений в том, что встреча руководящих советских и югославских

деятелей назрела и необходима.

– Это неверно! – снова вмешался в его повествование Хрущев{505}. Возвращаясь к постановлению, Молотов сетует на то, что там не нашли отражения два основных вопроса, по которым им высказывалось мнение, отличное от мнения большинства членов Президиума: о причинах разрыва и о том, на какой базе возможно и желательно в данных условиях улучшение отношений с Югославией. Однако саму совместную советско-югославскую декларацию он считал и считает «большим достижением и хорошим результатом работы нашей делегации в Югославии».

– Которую мы одержали в борьбе с тобой, – не удержался и тут Хрущев.

– Это неправильно, конечно, – опять не соглашался с ним Молотов. – У меня были и остаются сомнения в правильности подхода к Югославскому вопросу в настоящих условиях по двум таким важным вопросам, о которых я только что говорил. Это и было мне заявлено, когда стали формулировать оценку деятельности нашей делегации{506}.

Как видим, Молотов в своем выступлении, несмотря на многочисленные реплики из президиума, которыми пытались прервать нить его рассуждений и вынудить признаться в том, в чем он не видел за собой вины, довольно твердо и по-своему логично защищал свою точку зрения. Однако ему еще предстояло выслушать немало других обвинений от своих соратников по коллективному руководству. И первым из них стал председатель Совета министров Н.А. Булганин. Он развивал аргументы, уже приводившиеся Хрущевым:

– Мы потеряли самую сильную страну в Европе. Нет ни у одного государства в Европе такой армии, как югославская – 42 дивизии... По своему географическому положению Югославия занимает очень важное место и для нас, Советского Союза, очень уязвимое... Представьте себе будущие военные события. Допустим, что нам пришлось бы устремиться со своими вооруженными силами на запад. – А что там?.. Мы бы везде на своем левом фланге имели 40-50 дивизий югославской армии{507}.

Переходя к ходу переговоров и людям, с которыми пришлось иметь дело в Югославии, Булганин сообщил, что с первых же дней у них установились хорошие, дружественного характера отношения:

– Мы видели, что находимся с людьми, с которыми можем договориться, с людьми, которые не порвали с марксизмом-ленинизмом, не порвали с нашими идеологическими принципами{508}.

Общая же оценка переговоров, по мысли Булганина, такова:

– Сделано большое дело. Нанесен успешно удар по фронту империализма, если говорить военной терминологией, совершен прорыв на фронте империализма, прорыв с большими стратегическими перспективами{509}.

Касаясь же позиции Молотова, Булганин обратил внимание на то, что его разногласия с Президиум ЦК проявились не только в югославском вопросе:

– Товарищ Молотов нас все время обвинял в том, что мы занимаем не «неправильную позицию», как он говорил здесь, а занимаем «неленинскую позицию», что мы не ленинцы, что мы занимаем в вопросе Югославии оппортунистическую позицию. Здесь он говорил иначе{510}.

Вслед за этим Булганин углубился в историю конфликта и стал рассказывать, как Сталин остро реагировал («страшно рассердился») на информацию МГБ и посла Лаврентьева о положении наших советников в Югославии и как продиктовал приказ о немедленном их отзыве.

– На всю операцию дал 48 часов.

– Война, – вставил Хрущев{511}.

– Вот вам, товарищи, причина. Главное – никакого интернационализма. Его и в помине не было, духу не было. Самолюбие было простое, амбиция... Вот как начался разрыв. Потом пришло сообщение из Албании, что Тито решил двинуть дивизию в Албанию и не спросил у Сталина. Как же это так – Сталина и не спросил?.. Где это видано? Как это возможно? Пошли писать ноты, протесты... Это подлило еще больше масла в огонь.

Вот как начался разрыв... Сидели мы несколько дней и ночей здесь, в уголке у Сталина, писали письма. Товарищ Молотов писал под диктовку Сталина. Мы все помогали тоже, чем

могли. А материал – все, что я рассказывал. А все остальное – выдумка. Вот тогда и выдумали и насчет марксизма-ленинизма, и насчет национализма. Прямо давайте говорить, чего тут крутить. Так ведь оно было... Так начались разногласия с Югославией и потеряли страну{512}.

Как видим, члены и кандидаты в члены ЦК слышали из уст главы правительства изрядную долю критики в адрес покойного вождя и мудрого учителя.

Касаясь же ссылок Молотова на статьи в «Борбе» об отношениях с Западом, Булганин сообщил, что Тито советовался с ними по этому вопросу и что они одобрили его позицию.

– Товарищ Молотов ссылается на то, что это сиденье на двух стульях. Но мы сказали, посоветовавшись между собой: «Не торопитесь, продолжайте так, как вы вели до сих пор».

– Наоборот, – поправил Хрущев, – мы им сказали, что сами хотим улучшить отношения с Западом{513}.

Возвращаясь к сегодняшнему выступлению Молотова на пленуме, Булганин поделился своими впечатлениями о нем:

– Мы имеем дело с человеком, потерявшим практическую перспективу. Все его выступление – это книжное, сектантское, талмудистское выступление, ничего общего не имеющее с жизнью и подлинными интересами нашей партии, нашего государства. (Голоса: «Правильно!...») Молотов постоянно на нас на всех набрасывался и выступал против нас как против антиленинцев, что мы оппортунисты. Особенно в отношении товарища Хрущева.

– Президиум осудил эту линию поведения и записал в протокол, – заметил Хрущев, – а он извинился, признал недопустимость своего поведения{514}.

Остановился Булганин и на разногласиях с Молотовым по другим вопросам внешней политики.

– Австрийский договор мы подписали и заключили против воли товарища Молотова... Сегодня этот вопрос не обсуждается, но я докладываю об этом пленуму{515}.

Булганин не ограничился разъяснением разногласий с Молотовым по международным проблемам. У нас и по внутренним вопросам с товарищем Молотовым такие же отношения, что он единственный в Президиуме ленинец, а мы все – не ленинцы. По всем мало-мальски большим вопросам у нас с т. Молотовым всегда разногласия. Например, т. Молотов возражал против наших решений о целинных землях – он считал неправильной нашу позицию. Вы теперь сами понимаете, что теперь стоит это его возражение. Товарищ Молотов был против нашего решения о создании в центральных районах совхозов на базе маломощных колхозов. Товарищ Молотов был против нашего решения об изменении планирования в сельском хозяйстве, о децентрализации планирования... Он удивлялся, как это мы можем отказываться от учета и планирования из центра. Особый спор у нас с товарищем Молотовым произошел по вопросу о реорганизации Госплана, спор, который принял совершенно недопустимые формы оскорбления. Товарищ Молотов обвинял Президиум ЦК в том, что мы по вопросу о реорганизации Госплана занимаем неленинскую позицию{516}.

В заключение Булганин обратил внимание членов ЦК еще на одно важное обстоятельство, которому он придавал очень большое значение:

– Наибольшие и самые острейшие, совершенно недопустимые, в нетоварищеской форме выпады товарища Молотова по всем этим вопросам направляются обычно против товарища Хрущева. Это я считаю неслучайным... Спрашивается, в чем же дело? Я может быть делаю очень рискованные выводы, но нам всем дает это основание полагать, что у товарища Молотова не все благополучно обстоит с представлением о роли партии по руководству делом государственного строительства, хотя он и ортодоксальный ленинец. Стоит над этим подумать{517}.

Следующий оратор, А.И. Микоян, также полностью согласился с докладом Хрущева не только в основном, но и в деталях.

– Когда мы выезжали в Белград, у нас была уверенность, что мы договоримся по вопросу улучшения советско-югославских отношений. В отношении партийного контакта у нас была надежда, но не было полной уверенности... Хотя мы не думали, что после восьмилетней перебранки, изоляции, ругани и брани, после всего этого будет достигнута идентичность взглядов по всем вопросам... Мы вернулись с уверенностью, что в части партийных контактов сделаны первые шаги.

Что же касается выступления Молотова здесь, на пленуме, Микоян назвал ее «платформной»:

– Слово «платформа» – очень громкое слово. Но по существу он выступил с платформенной речью. В своем выступлении он сказал о том, что Президиум занял принципиально неправильную позицию на сближение с Югославией. Резких политических характеристик в его речи не было. Но если такие характеристики назвать, то можно сказать, что мы оппортунисты, что мы оппортунистически идем на сближение с лейбористской партией. Если нет марксистско-ленинской основы в партии, то это партия буржуазная или лейбористская... И мы, руководители Коммунистической партии, докатились до оппортунизма в вопросах международных отношений с партиями. И мы уступаем политически, применяемся к взглядам, отступающим от ленинизма. И это может отрицательно сказаться на внутренней политике нашей партии. То есть мы поддаемся югославскому влиянию, которое в этом вопросе отходит от линии ленинизма. Вот смысл выступления Молотова {518}.

Микоян обвинил Молотова в том, что тот «руководствуется только старыми высказываниями, цитатами из старых документов», что, видимо, не в силах отказаться от собственных прежних высказываний, «живет только прошлым и вдохновляется злобой, которая накопилась у него за эту советско-югославскую драку» {519}.

– Он видит ошибки югославов. Их множество, конечно. А наших ошибок, которых не меньше, а может быть и больше, он не видит, кроме тактических... Конечно, национализм есть у югославских коммунистов. Но разве не было национализма у других коммунистических партий? Был. А мы как поступали тогда? Не разрывали с ними, а помогли изжить национализм. Разве мы должны всегда разоблачать на весь мир ошибки наших друзей, а не помогать в удобной форме изжить то, что неправильно? {520}

Чтобы показать, насколько небрежно наклеиваются теперь разного рода ярлыки, Микоян сослался на доклад, полученный членами Президиума ЦК от МИДа перед приездом в СССР индийского премьер-министра Джавахарлала Неру, в котором утверждалось, что Индия – буржуазно-помещичье государство.

– Это все глупости, это клевета! В Индии ликвидирован феодальный строй. Сейчас в Индии проводится аграрная реформа. Пусть половинчато. Но какой помещик будет проводить аграрную реформу?... Как же можно так одной черной краской красить весь земной шар?... Разве это марксистский подход к вопросу? Что за барское отношение к вопросам политэкономии и политики? Кто такое право дал нам, членам Центрального Комитета, так относиться ко всем странам? Разве Ленин так делал? Читайте Ленина {521}.

В связи с этим Микоян высказал свое мнение о рабочих советах, созданных на югославских предприятиях. Они показались ему похожими на производственные совещания, действующие на советских предприятиях, «но не такие, которые у нас некоторыми бюрократами загроблены», а на такие, какими они задумывались при создании.

– Можно быть за или против этого. Но скажите, что антимарксистского, что буржуазного в этом? Разве буржуазия стремится, чтобы рабочие управляли их предприятиями? Скорее всего в этом увлечение социальной демагогией. Но это объясняется положением дел.

– Они преследовали цель выступления против нас, обвиняя нас в бюрократизме, – согласился Хрущев.

– Надо себе представить положение югославов, – продолжал развивать свою мысль Микоян. – Им надо было держаться во что бы то ни стало. А в положении изоляции, под нажимом им было очень трудно. Вот они взяли и сказали рабочим: «Берите и управляйте. Расхлебывайте сами». А разве мы сразу перешли к нужным формам управления? Мы учились на собственных ошибках. А сколько у нас ошибок? Хотя бы то, что мы каждому колхозу приказывали сеять ячмень или овес, а другим – наоборот. Они знали, какая у них земля, глинистая или песчаная. А мы приказывали: посади, посеи тем-то. Что марксистского у нас в этом было? Если бы это югославы сделали, мы бы разнесли их {522}.

По мнению Микояна, обвинять югославов в синдикалистском уклоне было бы не верно:

– У них собственность групповая вроде бы. На деле же собственность общенародная. Директора назначают органы власти... Что анти-марксистского в Югославии в этом отношении? Американцы такую систему не проводят, рабочие советы не создают на

предприятиях. Может быть югославы и перебарщивают. Почему же мы можем перебарщивать, а они не имеют права? {523}

Тут Молотов не выдержал и решил подать реплику:

– Я считаю, что Президиум Центрального Комитета – марксистский центр. Но спорить по отдельным вопросам возможно.

– Не только возможно, но и необходимо, – согласился Микоян. – Разве можно без спора прийти к истине сразу?.. Споры будут. Но какие? Надо в споре убедить. Не надо приклеивать ярлыки, что, если ты не согласен с чем-то, то ты антиленинец. Я, товарищ Молотов, не высказываюсь против разногласий в Центральном Комитете. Я даже за то, чтобы они были. Но чтобы они изживались по-товарищески, с обсуждением, с обменом мнениями, с доказательствами. Мы много знаем случаев, когда под давлением критики откладывались вопросы до тех пор, пока мы не подумаем и не найдем какое-то другое, третье, серьезное решение. Это естественно и правильно. Что тут опасного?.. Я считаю, что и у товарища Молотова, и у любого из нас могут быть разногласия. Но каждый раз обзывать нас оппортунистами, антиленинцами недопустимо {524}.

Покончив с вопросом о возможности и даже полезности сопоставления разных точек зрения при принятии решения в коллективном руководстве, Микоян вернулся к обвинениям югославов в оппортунизме.

– Нельзя каждую сказанную чепуху приводить как программу борьбы с КПСС и СССР. Надо разделять: кто сказал, когда сказал и кому. Югославские руководители мобилизовали волю народа и создают тяжелую индустрию – базу социализма. Они не могли создать колхозы. Но ограничивают кулачество. Они не дают возможности для основания буржуазных партий. Что это? Разве это политические расхождения с ленинизмом? Мы были бы на их месте, так же бы по-ступили {525}.

Следующий оратор, главный редактор газеты «Правда» Д.Т. Шепилов, опровергая утверждения Молотова, «будто во всех документах ЦК и в речи на аэродроме, а также в докладе товарища Хрущева вместо анализа ошибок СКЮ в 1945 году, вместо выяснения того факта, что имели место отступления от ленинизма, везде выдвинута единственная причина – происки шайки Берии и Абакумова», призвал членов ЦК взглянуть на те документы, которые им были розданы, начиная с резолюции Коминформа 1948 г., и кончая «красной книжечкой», в которой также «указаны ошибки и отступления югославских коммунистов, сказано о роли государства, о классовой борьбе в переходный период и т. д.» {526}

Секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов начал свою речь с теоретического обоснования такой внешней политики и тактики, которой «учил Ленин» и которая должна состоять в том, чтобы «дать максимум для того, чтобы, с одной стороны, наращивать и сплачивать миролюбивые антиимпериалистические и социалистические силы, использовать в своей борьбе всех и всяких возможных союзников (хотя бы и временно), а с другой стороны, – ослабить и разъединить силы несоциалистического лагеря, использовать противоречия внутри этого лагеря, изолировать и ослабить его главную силу – американский империализм, откалывать и удалять от империалистического лагеря неустойчивые или колеблющиеся силы или, по крайней мере, нейтральные из них, – те, которые не удалось ему привлечь на свою сторону» {527}.

Он тоже полагал, что Молотов «явно односторонне ворошил югославские выпады против Советского Союза и совершенно умалчивал о еще более крепких выпадах с нашей стороны» {528}.

По мнению Суслова, КПСС получила важный инструмент для воздействия и воспитания югославских коммунистов.

– А поставить вопрос так – что может служить альтернативой той политике, которую проводит наш Президиум сейчас по воздействию на югославских коммунистов? Только одно – нелегальная работа с перспективой вооруженной борьбы против нынешнего руководства. Этот расчет, товарищ Молотов, был у вас на вооружении. Он не оправдался. Да он и не мог оправдаться {529}.

Постоянные напоминания Молотова об осторожности и бдительности сами по себе имели бы известную ценность, полагал Суслов, если бы кроме них он развивал положительную платформу по улучшению отношений с Югославией, по улучшению и расширению

возможности коммунистического влияния на СКЮ. Ведь и Президиум ЦК КПСС в своих решениях и письмах братским партиям тоже неоднократно напоминал о бдительности, о возможности рецидива оппортунизма и антисоветизма. – В чем же различие? Различие в том, что товарищ Молотов не имеет никакой положительной программы по данному вопросу и занимает позицию перестраховки и только перестраховки, позицию пассивности, глубоко чуждую марксизму-ленинизму, – сложил руки и сиди, жди неизвестно чего, поглядывая в разные стороны, как бы чего не вышло, бдительность проявляя {530}.

На вечернем заседании 11 июля первым выступил член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель председателя Совета министров СССР и председатель Комитета по труду и заработной плате Л.М. Каганович. Он начал с того, что поставил вопрос:

– Отступаем ли мы от принципиальных позиций марксизма- ленинизма во имя каких-либо, хотя и частичных, выгод для интересов нашего государства? {531}

По его мнению, внимательное изучение доклада Хрущева, а также речей Булганина, Микояна и других показывает, что «мы не только не отступаем от принципов марксизма-ленинизма, а, наоборот,, опираясь на эти принципы.., укрепили позиции социализма и ослабили позиции империализма». Вместе с тем, он выразил сожаление по поводу того, что Молотов придал этому обсуждению некоторую неприятную, горькую приправу.

– Лучше было бы, если бы этого не было. Но, с другой стороны, для более глубокого понимания и этот спор сослужит хорошую пользу. Как говорится, нет худа без добра. Люди глубже, серьезнее поймут сущность этого вопроса и неправильных позиций товарища Молотова по этому вопросу, именно принципиальных позиций {532}. Теперь все видят и все признают, что мы одержали победу. Поддерживать старое очень легко, ума большого не требуется идти самотеком, потоком, конвейером. А вот повернуть конвейер и сказать, что он идет не туда, куда нужно, что это неправильно и вредно для государства, – вот эти политики признаются как крупные политики. В данном случае – это заслуга товарища Хрущева, заслуга ЦК, – под аплодисменты заявил Каганович {533}.

– Это выигрышное дело, – с деланной скромностью поправил его Хрущев.

– Безусловно, – согласился с ним Каганович. – Для этого стоило огород городить, стоило... ездить в Белград, стоило пережить некоторые неприятные моменты и даже стоило поссориться с Вячеславом Михайловичем Молотовым на этой принципиальной базе, чтобы добиться этих успехов {534}.

Касаясь причин разрыва с Югославией, Каганович не отрицал, что здесь много ошибок и преувеличений и что «ничего подобного не должно было случиться, чтобы был такой разрыв». И жаль, что, когда не удалось заставить Тито и Карделя признать свои ошибки, «когда добром не вышло,, тогда показали зубы и в зубы дали» {535}. В то же время он выразил глубокое убеждение, что, если бы Сталин был жив, то он, увидя, что не вышла смена руководства, а эти люди остались верны обобществлению средств производства и капиталистов к себе не пустили, «одобрил бы наше решение по вопросу об изменении отношений с Югославией» {536}.

Какой же вывод призвал сделать Каганович из обсуждения деятельности Министерства иностранных дел и его главы?

– Активизировать наш МИД, сделать его более глубоким в разработке вопросов, дать может быть новых людей {537}.

А лично Молотову он посоветовал не считать себя монопольно владеющим истиной при решении международных вопросов. По какому праву он совершает нападки на членов Президиума ЦК, особенно на Хрущева? {538}

Бурные, продолжительные аплодисменты прервали его вдохновенную речь, когда старый льстец с пафосом заявил:

– Приятнее всего то, что товарищ Хрущев вместе с нами растет и овладевает руководством нашим сложным государством и партийным организмом. Задачи у нас колоссальные... Мы имеем много начатых и неоконченных дел. Мы обещали народу, что дадим вдоволь обилие продуктов... Но сразу всего не решишь, для этого надо работать и работать и удовлетворять народ. Наконец, и ЦК, и Совет Министров, и все мы должны упорно работать над тем, чтобы поднять нашу оборону {539}.

Следующий оратор, член Президиума ЦК КПСС, заместитель председателя Совета

министров СССР и министр электростанций Г.М. Маленков также полностью солидаризовался со всеми положениями («глубоко принципиальными и обстоятельными») доклада Хрущева и с той критикой, которая была высказана здесь, на пленуме, в связи с выступлением Молотова{540}. Он сказал:

– После всего, что стало известно членам Президиума ЦК о поведении товарища Молотова, мы вправе потребовать от него настоящего объяснения и вправе ожидать заявления об обязательстве исправить свое поведение, безусловно, отказаться от своих ошибочных взглядов{541}.

Член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель председателя Совета министров СССР и председатель Госэкономкомиссии М. З. Сабуров прямо заявил, что в основе расхождений Молотова с Президиумом ЦК по ряду вопросов лежат его отношения с Хрущевым:

– Я лично считаю, что для товарища Молотова товарищ Хрущев – неподходящая фигура. Это мое мнение{542}.

И посчитал возможным сделать такой вывод, что «товарищ Молотов не прочь, если бы Хрущев не пользовался таким доверием и той поддержкой, которую ему все оказывают»{543}.

На утреннем заседании 12 июля выступило 9 из записавшихся накануне 14 человек.

Член Президиума ЦК и председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов признал, что, хотя «было много допущено нехороших вещей со стороны югославов», но «мы делали больше, мы делали очень много неправильных, грубых, я бы сказал, провоцирующих вещей»{544}.

– Товарищ Сталин за время войны поистрепал значительно нервы и воспринимал некоторые вещи болезненно. А нас информировали неправильно, подло лгали и настраивали всех нас против югославов. Если бы сейчас, дорогие товарищи, собрать все речи о югославах, которые мы произносили, все эпитеты, на которые мы не скупимся, и прочитать все это, нам самим стало бы стыдно и немножко жутко{545}.

Упомянув о своих собственных сомнениях в вопросе, ехать или не ехать в Белград, Ворошилов высказал мнение, что Молотов в качестве главы советской дипломатии «должен был бы видеть все это раньше других и знать больше других эти специфические вопросы взаимоотношений с иностранными государствами»{546}.

– Я считаю, что Вячеслав Михайлович в этом вопросе глубоко заблудился. Обладая хорошими качествами, – твердостью и большевистской уверенностью в себе, – он в этом вопросе, в котором восемь лет... сами себя воспитывали на понимании, что мы имеем дело с врагами... и т. д. и т. п., – ему теперь нужно от всего этого отказаться... Он теперь, бедняга, никак не может оторваться от этой мысли, от этого представления{547}.

В связи с этим Ворошилов выразил желание, чтобы Молотов, «который на протяжении многих десятилетий шагал в ногу с нами (здесь, конечно, всякое бывает, ногу можно потерять, но потом выправиться и опять левую дать) – опять пошел с нами в ногу»{548}.

Общий же вывод первого красного маршала был таков:

– Мы должны быть терпеливыми и умелыми и не сметь, прямо нужно сказать, не сметь ставить каждое лыко в строку той или иной стране{549}.

Украинский драматург, член Всемирного совета мира А.Е. Корнейчук сказал, как больно было ему слушать ту часть речи Булганина, в которой говорилось о нападках Молотова на Хрущева и, сорвав аплодисменты, произнес настоящий панегирик последнему:

– Товарища Хрущева много лет знает наша партия, наш народ и воздают ему должное за его большевистскую настойчивость, непримиримость к врагам, за его широту взглядов, светлый творческий ум, огромный опыт строителя коммунизма, которого уважал, ценил и всегда советовался с ним по важнейшим вопросам гениальный товарищ Сталин{550}.

Восемнадцатым и последним оратором был первый заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко. Он признал, что Министерство иностранных дел в югославском вопросе наделало очень много ошибок, что оно «являлось, как сейчас это совершенно ясно, грузом, который тянул назад»{551}. В аппарате МИДа, по его словам, рассуждали примерно так:

– Вероятно, этот вопрос обсуждается или обсуждался в ЦК. Возглавляет Министерство иностранных дел товарищ Молотов – уважаемый и авторитетный государственный деятель. И... раз эти вопросы не ставятся, значит их, вероятно, несвоевременно ставить. И для нас (по

крайней мере, для некоторых руководящих работников МИДа) положение стало ясным тогда, когда мы случайно более или менее очутились на том заседании Президиума ЦК, где возник вопрос о посылке делегации в Белград. Тогда для нас стало ясно, что существуют серьезные расхождения между Президиумом ЦК, с одной стороны, и товарищем Молотовым, с другой стороны{552}.

И «со всей решимостью, на какую только способен», Громыко заявил, что позиция его шефа в югославском вопросе «является неправильной, глубоко ошибочной и несоответствующей интересам нашего государства»{553}.

Проиллюстрировав доклад Хрущева и выступление Булганина некоторыми фактами, имевшими место в 1945-1950 гг., он закончил свое выступление следующими словами:

– Министерство иностранных дел только тогда будет настоящим партийным Министерством иностранных дел, когда оно будет следовать линии Центрального Комитета нашей партии{554}.

Вслед за этим повторное слово было дано Молотову. На этот раз он начал с заявления о том, что, несмотря на свое сомнение в югославском вопросе, которое им высказалось на Президиуме ЦК и здесь, на Пленуме, он считал и считает «Президиум Центрального Комитета (и всегда так было) марксистским, ленинским центром нашей партии», и что допускавшиеся им «в отдельных случаях в пылу полемики» выражения вроде того, что «не соответствует ленинской линии» и т. п. следует рассматривать как «неправильные и недопустимые аргументы».

– Конечно, это была ошибка, неправильность. И об этом я говорил на Президиуме Центрального Комитета. Об этом я считаю своей обязанностью сказать перед Пленумом ЦК{555}.

Молотов заявил также, что у него не было никакого сомнения, нужно ли решать австрийский вопрос.

– Возможно, – говорил он, – что Министерство иностранных дел на несколько месяцев запоздало. И нас поторапливали и тогда критиковали за то, что мы медленно поворачиваемся в этом деле. Мы возражали, что нет, мы работаем вовремя и пр. Конечно, с нашей стороны было запоздание, недостаточно торопились. Если же были возражения какие-то по отдельным пунктам, по срокам, то это не было существенным возражением против решения этого вопроса{556}.

Но какие-то другие вопросы, по которым он возражал или считал недопустимым их принятие, у него в памяти не остались.

– Верно, мы не все правильно предлагали. И Президиум Центрального Комитета и по австрийскому вопросу, и по другим поправлял нас, требовал более четкого исправления проектов, которые сдавали. Но это в практической работе бывает. Без того, чтобы Президиум Центрального Комитета не поправлял в практической работе, без этого, конечно, не обходится{557}.

Признал Молотов и большие недостатки в подборе кадров, необходимость значительного обновления и усиления МИДа.

– Эта задача нами решается, по-моему, пока плохо. Мы должны поставить ее более серьезно{558}.

В заключение же Молотов посчитал нужным «по всем этим частным вопросам» сделать одно общее замечание:

– Верно, товарищи, было так в практической работе, что по отдельным вопросам возражаем и предложения вносим (и неправильные в том числе предложения). Но я заявлял и заявляю: у меня нет никаких особых мнений по принятым решениям. Поэтому, будь то по целинным землям.., будь то по другим вопросам, у меня нет таких вопросов, по которым бы я считал нужным отстаивать какое-то свое мнение перед Пленумом ЦК или Президиумом ЦК или в Совете Министров. У меня нет никаких сомнений, нет неуверенности в том, что партия и ее ЦК и Президиум ЦК проводят правильную ленинскую линию. Я также признаю правильным признание ошибочности той линии, которую я занимал в югославском вопросе. Я из этого буду исходить и активно работать в этом направлении{559}.

Итоги прений подвел Хрущев. Для начала он зачитал шифровку советского посла в

Белграде о беседе с Тито, состоявшейся 29 июня, в ходе которой тот сказал, что рад будет посетить СССР в следующем году, а вот американцам придется долго ждать от него выражения пожелания посетить США и вряд ли они вообще дождутся его; что с удовольствием поедет в Египет и надеется на очень интересные переговоры с Насером, которому необходима поддержка; что Джи-лас ведет себя сейчас довольно спокойно, ибо хорошо понимает, что в противном случае ему грозит каторга{560}.

– Вот беседа с нашим послом товарища Тито. Я думаю, что после восстановления наших взаимоотношений мы не можем похвастать хотя бы половиной такой беседы, проведенной МИДом с послом Югославии, который сидит в Москве.

Констатируя, что все выступавшие согласны с положениями, выдвинутыми в докладе об итогах советско-югославских переговоров, Хрущев заявил далее:

– Один только товарищ Молотов выступил со своими взглядами... Он в своем последнем слове также подтвердил, что остается на старых позициях. Только заявил о том, что будет выполнять решения Президиума ЦК, как подобает это каждому члену партии. Я его так понял.

– Я сказал: признаю и несу ответственность за ошибочность моей позиции, – уточнил Молотов{561}.

Высказав мнение, что нет необходимости и дальше разбирать «неправильное выступление товарища Молотова», так как выступившие уже обстоятельно сделали это, а высказанное ими мнение было «поддержано всеми членами ЦК», и ограничившись общим замечанием, что линия, которую отстаивал Молотов в югославском вопросе, «вредная для партии, неленинская и сектантская линия», Хрущев, тем не менее, посчитал нужным рассказать о его «неправильной позиции» по ряду других вопросов, «чтобы члены ЦК лучше знали и имели более полное представление о товарище Молотове»{562}.

– Я не рад конфликту, который произошел, – сказал он. – И думаю, что никто в партии не рад этому. Но я не боюсь конфликтов{563}.

Когда Молотов, по словам Хрущева, обычно разговаривает с другими членами Президиума ЦК, «то вроде бы мы равные». Но вот когда его «занесет», когда он «вырвется», то говорит, что 34 года сидит в Политбюро!

– И 34 и 36 лет можно просидеть... Товарищем Молотовым много просижено. Так что же теперь, ему за каждый год поклон отвешивать?{564}

Вслед за этим и в связи с этим Хрущев высказал мнение, что «пора и давно пора Пленуму Центрального Комитета занять свое настоящее положение, свое место как хозяина в партии, как руководителя партии, как руководителя страной, и отвечать!»{565}

Продолжая иметь в виду принцип коллективности руководства, Хрущев сделал некоторое отступление к Сталину, оговорившись, что «все мы уважаем и будем уважать, всегда с уважением будем говорить и вспоминать» о нем, ибо он «после Ленина возглавил нашу партию и привел ее к величайшим завоеваниям».

Переждав аплодисменты, Хрущев продолжил:

– Другое мне было бы говорить стыдно. Я – человек, непосредственно которого поднял Сталин... Он поднял, он ухаживал, он растил, он учил... Он учил и растил на большом деле, на деле руководства партией, на деле руководства страной, на деле построения социалистического общества{566}.

Но в последние годы Сталин «был на большом ущербе», и «у нас было много горечи». Сколько было потеряно честных людей! И если бы Сталин еще прожил, выражал свое твердое убеждение Хрущев, то сегодня не обсуждались бы ошибки Молотова. Ибо участь его, также как и Микояна, уже во многом была определена в выступлении Сталина на Пленуме ЦК, состоявшемся сразу же после XIX партийного съезда...

– И что, это было правильное выступление? Нет, неправильное... И сейчас, после конфликта и такого непонимания, которое проявил Молотов, я говорю, что это было совершенно неправильно, не соответствовало ни характеристике Молотова, ни характеристике Микояна{567}.

И продолжил:

– Мы отвечаем перед страной за политику, за претворение в жизнь учения Маркса и Ленина! Мы, партия отвечает! А партией руководит Центральный Комитет. Ни, Молотов, ни

Хрущев, ни пятый, ни десятый, а Центральный Комитет. Это надо знать Молотову, хотя он, как сам говорит, 34 года в Политбюро... И на 50-й год никто не позволит глупости делать. А если кто себе позволит, можно сказать: «Пойди на пенсию. Мы дадим тебе хороший харч, хорошее обеспечение, будем тебя уважать, но не мешай другим работать»{568}.

Через два дня после окончания пленума, 14 июля 1955 г. Президиум ЦК признал необходимым выпустить его стенограмму, а также издать доклад Хрущева об итогах советско-югославских переговоров и постановление Пленума ЦК КПСС по этому вопросу отдельной брошюрой и разослать ее партийным организациям{569}. И вскоре члены ЦК стали знакомить с этими документами партийный актив на местах.

20 июля собрался Московский областной партийный актив в числе 2500 человек. Для участия в прениях записалось 52 человека. Слово дали только 18. Как информировал первый секретарь МК КПСС И.В. Капитонов, все они осудили ошибочную позицию Молотова по югославскому вопросу. «Содержательными» были выступления секретаря Союза советских писателей А.А. Фадеева, ректора Академии общественных наук при ЦК КПСС Ф.В. Константинова и министра транспортного машиностроения С.А. Степанова. В то же время «собрание актива не удовлетворило выступление в прениях члена коллегии Министерства иностранных дел товарища Зимянина, который выступил несамокритично и не дал должной оценки недостатков в работе МИДа и ошибочной позиции тов. Молотова по югославскому вопросу»{570}.

Чем же остался недоволен актив, а вернее руководитель Московской области? Ведь Зимянин признал «огромное принципиальное значение» критики ошибок своего шефа. И самокритика присутствовала в его выступлении:

– У нас не хватило ни прозорливости, ни необходимой смелости для того, чтобы пересмотреть неправильную установку, которой руководствовалось Министерство иностранных дел в работе по югославскому вопросу... Коммунисты, партийная организация МИДа и товарищи, работающие в области отношений с Югославией, полностью принимают критику нашей партии, критику недостатков и ошибок в работе Министерства иностранных дел и приложат все силы, чтобы их исправить{571}.

Но «конкретики», как видим, не было. Не было того, что способствовало бы еще большей дискредитации Молотова как потенциального лидера в глазах партии.

– Мне кажется, – говорил Капитонов в своем заключительном слове, – что участники собрания партийного актива ожидали от товарища Зимянина другого выступления, с глубоким анализом и оценкой вопроса о советско-югославских отношениях{572}.

Эту цель, – получить от руководящих работников советской дипломатии если и не «глубокий анализ», то нужную «оценку», – поставили перед партийным собранием МИДа, состоявшемся 2-3 августа 1955 г. На нем присутствовало 650 коммунистов. Более чем часовой доклад для них сделал сам Молотов. Признавая ошибочность своей позиции по югославскому вопросу, он заявил, что недооценил как революционные события и изменения, происшедшие в Югославии, так и возможности влияния КПСС на СКЮ. Но не стал касаться причин, породивших эту недооценку. Мало было им сказано и о недостатках в работе министерства. И ни слова – об особой позиции по австрийскому вопросу, освоении целины и разделении Госплана{573}.

Для выступления в прениях записалось 24 человека, выступить удалось 15, в том числе всем заместителям министра и двум членам коллегии. Все они одобряли решения пленума ЦК об итогах советско-югославских переговоров и критиковали своего министра. Но тоже только по отношению к этим переговорам. «Несамокритично» и на сей раз выступил заведующий 4-м Европейским отделом М.В. Зимянин. Было «слабо подготовлено» выступление Ильичева. «Недостаточно самокритичным» оказалось и выступление А.А. Громыко. Выразив сожаление, что в югославском и некоторых других вопросах министерство «вело себя недопустимо пассивно» и фактически «являлось на протяжении последних нескольких месяцев грузом, который портил, путал дела, вместо того чтобы оказывать помощь Центральному Комитету», он затем занялся своего рода самооправданием:

– Мы все рассуждали так: товарищ Молотов – член Президиума ЦК, авторитетнейший государственный деятель, и нам, аппарату (это относится и к заместителям, как первым и не

первым, и к заведующим отделами, и к другим работникам), тут дела мало, все решается наверху.

Теперь же ему ясно, что «эта точка зрения и практика являются насквозь неправильными, порочными»{574}.

Заведующий 3-м Европейским отделом С.Г. Лапин сетовал на то, что работа коллегии фактически подменена «так называемым рассмотрением вопросов на замах», а те, между прочим, избегают брать на себя ответственность даже за решение мелких вопросов и «нередко пользуются формальными предложениями, чтобы повернуть бумагу в обратном направлении». Не называя, кого конкретно он имеет в виду, министра или его заместителей, Лапин обращал внимание на нервозность обстановки, на то, что высказывая начальству свое мнение, рискуешь «вызвать обидные реплики в свой адрес»{575}.

– За внешней деловитостью, чрезмерной занятостью и вызванной вероятно этими причинами раздражительностью у наших руководителей очень часто скрывается нежелание вникнуть в существо вопроса, помочь исполнителям быстро и правильно подготовить документ. При этом часто не проявляется самого элементарного уважения к работникам{576}.

Заместитель министра В.В. Кузнецов указал на такой недостаток, как стремление посольств в капиталистических странах доказать в своих отчетах падение производства и уменьшение торговли в этих странах, увеличение безработицы, снижение зарплаты и т. д.

– Если же цифры говорят другое, то посольство часто действует по принципу: тем хуже для цифр{577}.

Другой заместитель, В.С. Семенов, развивая эту тему, обращал внимание на распространенные в донесениях ряда посольств «примитивные оценки национально-освободительного движения, например, в Индии, Иране, Египте»{578}.

В заключительном слове Молотов признал перед своими подчиненными, что им были допущены ошибки по ряду вопросов (правда, без их разъяснения), и обещал «приложить все силы для проведения в жизнь линии ленинского Центрального Комитета»{579}. Собрание же в единогласно принятом решении заявило, что «полностью разделяет данную пленумом ЦК оценку ошибочной позиции тов. Молотова В.М. по югославскому вопросу»{580}.

Итак, полоскание разногласий Молотова с членами Президиума ЦК, особенно с Хрущевым, происходившее в течение трех дней на пленуме ЦК КПСС, позволило еще более снизить его авторитет в глазах партийной элиты, а последовавшее затем двухдневное обсуждение итогов пленума в МИДе – добиться того же в его собственном аппарате.